

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

К 70-летию со дня рождения В.А.Сапогова

А.Г. Разумовская

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ, КАКИМ МЫ ЕГО ПОМНИМ

Помнится, что на вечере памяти В.А.Сапогова авторитетный преподаватель нашей кафедры литературы В.Н.Голицына образно выразилась, что он был приглашен к нам, дабы влить новую, свежую кровь в Майминскую школу и тем самым избежать вырождения, как это случилось с испанскими аристократами. Действительно, Вячеслав Александрович заметно отличался от членов кафедры - раскованностью суждений, мужской решительностью, постоянным участием в "закрытых" конференциях с докладами на самые разные темы. Даже нас, работавших с Е.А.Майминым, впечатляли его поистине энциклопедические знания, его жадный интерес к филологии. С истинно просветительской страстью В.А.Сапогов стремился ввести своих коллег и особенно студентов в круг подлинных и ярких ученых, заразить той любовью к литературе, которая буквально светилась в нём самом. Всех нас поражал круг его друзей, которые вслед за ним вошли в научную орбиту кафедры и разбавили академизм наших научных собраний.

Вспоминают И.В.Полковникова и Н.В.Цветкова:

"На традиционных для кафедры Пушкинских конференциях прозвучали тогда доклады и известных уже нам пушкинистов - С.А.Фомичева, Н.И.Михайловой, Ю. Н. Чумакова, и новых ученых - В.И. Тюпы, В.А. Кошелева. При активном участии Вячеслава Александровича прошла в 1991 году Первая международная конференция пушкинистов в Пушкиногорском музее-заповеднике, и Сапогов стал ответственным редактором сборника, в котором приняли участие литературоведы из Америки, Японии, России, Латвии. Стараниями и энергией Вячеслава Александровича в 1989 году были организованы в Пскове Коверинско-Гыняновские чтения, на которые приехали многие интересные ученые и литераторы, среди них - М.О. Чудакова, Т.Ю. Хмельницкая, А.Д.Давыдов, Я.А.Гордин.

Конечно, ехали прежде всего к самому В.А.Сапогову. Именно его ум, энергия, литературоведческий дар и, конечно, авторитет в научной среде привлекали в Псков так много известных ученых. Все приезжавшие выступали перед студентами и преподавателями с лекциями, на которых Вячеслав Александрович часто "провоцировал" дискуссию. Кстати, именно студенты первыми почувствовали незаурядность нового преподавателя. Он, как магнитом, притягивал к себе самую творческую и талантливую молодёжь института (лекционные курсы Сапого-

ва славились не только на филфаке, но и на историческом, где он любил преподавать). Особенно заметно было его влияние на юношей: им так хотелось быть его достойными собеседниками, что они стремились прочитать и узнать всё, о чём Вячеслав Александрович хотя бы упоминал - его слово и суждение было высшим авторитетом. Недаром некоторые под его влиянием пошли в аспирантуру.

Тем, что вызывало его научный интерес и что любил он в искусстве, Сапогов всегда щедро делился. Это проявляется во всех статьях Вячеслава Александровича, это сказывалось и в открытых уроках для школьников, которые проводились им в разных школах города. На эти уроки старались попасть не только учителя литературы, приходили студенты, вузовские коллеги. До сих пор помнятся уроки по В. Набокову, И. Северянину, И. Бродскому – кажется, со всеми этими писателями у него были свои, личные отношения. Может быть, на этих уроках даже сильнее, чем на лекциях, проявлялся педагогический и лекторский талант В.А.Сапогова: он понимал, *что* способны воспринимать его не очень-то подготовленные слушатели, а *что* будет для них сложно, но именно сложное он умел сделать интересным и понятным. Того, что в педагогике называется "активизировать внимание слушателей", Вячеслав Александрович достигал без видимого труда. Ученики оказывались внутри такого литературного и культурного контекста, что складывались совсем другие отношения с литературой, с личностью писателя, с его эпохой. Так, при изучении с одиннадцатиклассниками набоковского романа "Машенька" речь шла и о "Даре", и о "Лолите", и о традициях русского романа (пушкинский подтекст, Тургенев, Толстой), и о драматургии Чехова, Островского (доктор Дорн, Счастливец и Несчастливец), и о романтиках (Людмила у Пушкина и у Жуковского), упоминался Шекспир, звучали стихи Набокова. И всё к месту, всё - ради главного на уроке. На обычном школьном уроке..."

Мне, начинающему тогда преподавателю, довелось знать его больше официально, "со стороны". Но какие-то частные разговоры накрепко застряли в памяти, и, нет-нет, вспоминая их, вижу позу, выражение лица Вячеслава Александровича, слышу его легкое грассирование. Узнав, что я стала заниматься поэзией Бродского, он без обиняков заметил, что Бродский не каждому по зубам, и я мысленно соглашалась с ним, впоследствии работая над своей книгой о поэте. Помню и другую беседу, когда, вернувшись из Костромы, я начала делиться впечатлениями об интереснейшей выставке Е.Честнякова, а Сапогов тут же поведал о своем понимании этого удивительного художника, что-то перевернув в моем представлении.

За годы работы Вячеслава Александровича на кафедре я не раз убеждалась в его редкой талантливости, которая ощущалась на каждой лекции – я была не только на открытых занятиях, но прослушала почти целиком курс по литературе Серебряного века. В каждом выступлении на конференциях раскрывались его оригинальность и свобода мышления, независимо от того, рассуждал ли он о Некрасове или Северянине, об Ахматовой и Блоке. Докладывал ли о языке офеней или о куртуазной поэзии. Говорил ли об "имени и месте в преподавании литературы" или о переложении псалмов. Читал ли доклад на тему "Пушкин и русская православная церковь" или толковал о философских идеях П.Флоренского. Но самую большую благодарность я испытываю к Вячеславу Александровичу за то, что он помог мне многое понять в поэзии О.Мандельштама.

Помню, как В.А. Сапогов рассказывал на кафедре о Мандельштамовских чтениях незадолго до 100-летнего юбилея поэта, где он был в числе избранных участников вместе с Л.Я.Гинзбург, Вяч.Вс.Ивановым, Г.С.Померанцевым и другими крупными специалистами. Затем по моей просьбе знакомил с поэтом собравшихся на заседании институтского Общества книголюбов и пронзительно читал рассказ В.Шаламова "Шерри-бренди". Помню то потрясение, которое испытывали все, мало знавшие до тех пор о судьбе и о творчестве Мандельштама. А я с тех самых пор убеждена, что настоящая поэзия не зависит от обстоятельств жизни, она есть некое наитие.

Так случилось, что с Мандельштамом был связан и один из последних моих разговоров с Вячеславом Александровичем, осенью 1996 года. Это было на курсах учителей в Областном Институте Повышения Квалификации Работников Образования, где мы с ним вместе работали. Узнав, что он будет обучать учителей анализу стихотворения на примере Мандельштама, я попросилась на занятие. Вячеслав Александрович демонстрировал оправданность сравнения

любого анализа с клубком ниток: нужно только отыскать ту, потянув за которую, распутаешь весь клубок. Он показал это на примере стихотворения "Сестры тяжесть и нежность...", одного из самых трудных текстов поэта. Помню, как виртуозно проделал он свой анализ, причем именно *свой*, непохожий на те, что можно прочитать в многочисленных работах о Мандельштаме. Чувствовалось, какое "удовольствие от текста" получал он при этом сам. А что уж говорить о нас, слушателях, которые, затаив дыхание, внимали его магической речи, придавленные неспособностью также вдохновенно говорить и понимать стихи!...

После его ухода каждый год, читая в ноябре лекции о Мандельштаме, я посвящаю их памяти В.А.Сапогова.